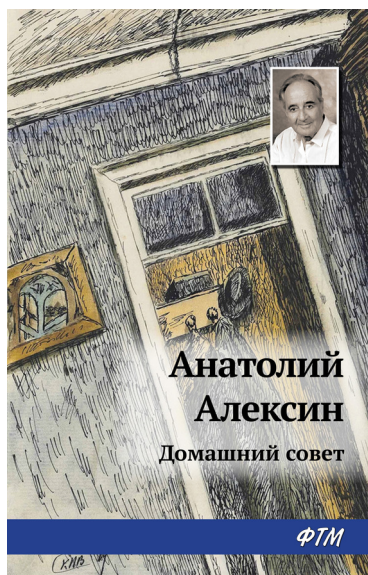

**Анатолий
Алексин**

Домашний совет

ФТМ

Анатолий Алексин

Домашний совет

«ФТМ»

1980

Алексин А. Г.

Домашний совет / А. Г. Алексин — «ФТМ», 1980

Юные герои Анатолия Алексина впервые сталкиваются со «взрослыми», нередко драматическими проблемами. Как сделать правильный выбор? Как научиться понимать людей и самого себя? Как войти в мир зрелым, сильным и достойным человеком?

© Алексин А. Г., 1980

© ФТМ, 1980

Анатолий Алексин

Домашний совет

Это заседание нашего семейного совета можно было назвать чрезвычайным. В прошлом не могло быть такого заседания. Не могло оно состояться и в будущем, потому что совет, учрежденный мамой, прекращал свое существование.

Прекращал существование... Эти два слова несли в себе трагическую определенность, но и таили неизвестность: «А что дальше?» Мне внушали, что в жизни моей ничего не изменится. Бессмысленность этих заверений лишь обостряла тревогу.

Надежду свою я, покидая последний совет, видел в Ирине. «У нас-то с ней все прояснилось!» – думал я, вливая в себя успокоительное лекарство.

* * *

А все прояснилось в тот день, когда меня укусила ее собака по кличке Лучший друг человека. Черный пудель приревновал Ирину ко мне. Лучший друг человека обладал уникальным нюхом. К тому же у него была золотая медаль. И он имел основание поглядывать на меня свысока, поскольку я, в ту пору девятиклассник, на золотую медаль не рассчитывал.

Кличка у пуделя была чересчур длинной и потому имела сокращенный вариант: ЛДЧ. Уже при упоминании первой буквы своего имени медаленосец пружинисто делал стойку, будто перед ним возникала кошка. Такая у него была сила предвидения!

Затем Ирину приревновал я сам. К своему брату Владике... Правда, лишь ненадолго.

Мы были близнецами, но Владик появился на свет двумя минутами раньше и потому считал себя старшим братом. Я не возражал: ощущать себя старшим, или, точнее сказать, главным, было его постоянной потребностью.

Мой брат Ирину хронически раздражал:

– Он хочет соответствовать имени Владик: завладеть всем. И даже, представь себе, сердцем. К примеру, моим.

– Твоим? – растерянно переспросил я.

– Пытается завоевать... Но я презираю завоевателей. Передай ему!

Ирина, мне казалось, раз и навсегда определяла для себя, что она любит, а что или кого презирает. В этом я видел не только цельность характера, но и его опасность: безнадежно было подавать апелляцию и надеяться на пересмотр приговора.

– Передай ему: завоевателей презираю! – повторила она.

– Он со мной на эту тему не разговаривает.

– И со мной он формально беседует на другие темы. но фактически...

– А где он с тобой... беседует?

Я всегда старался защищать своего старшего брата. Но тут впервые не нашел оправдательных слов.

– Ты ревнуешь? – спросила она так прямо и просто, что я ответил:

– Ревную.

И даже расстегнул ворот рубашки, потому что трудно стало дышать.

– Так запомни! Если бы мне, Саня, предложили выбор: остаться навсегда одинокой или быть с твоим братом, я бы, не задумываясь, предпочла судьбу старой девы.

Я снова принялся защищать Владика.

После нашего почти совместного появления на свет мы с братом сразу же ощутили, что такое полное равноправие. Мама нас одинаково одевала и обувала, в одни и те же часы

кормила нас и поила, мы спали в одинаковых кроватках и садились на одинаковые горшки. Но оказалось, что все это еще не делает людей одинаковыми.

«Какой рослый мальчик! Сколько ему лет? Всего-то? Не может быть! И какой красивый: копия матери...» – упрямо восторгались мною взрослые, хотя мама взглядами и подмигиваниями умоляла их этого не делать. Случалось, что в ответ они разочарованно продолжали: «А это брат? Близнец? Что вы говорите? Ну ничего общего! В родильном доме не могли перепутать?»

Я ненавидел эти восклицания и вопросы. А Владик ненавидел меня.

Точнее было бы называть нас двойняшками, поскольку мы и правда были непохожи друг на друга. Но все называли близнецами...

Мама с пеленок внушала нам, что для мужчин («Уж поверьте мне, женщине!») внешние данные решающего значения не имеют, что главное – это ум и душевные качества. Она сообщала, что многие выдающиеся личности были отнюдь не выдающегося телосложения. Владика она утешала, а меня воспитывала. И мы с ним хорошо понимали это.

Потом она начинала объяснять, что зависть – возбудитель чуть ли не всех пороков и низостей, и если один человек – растет, другому от этого не может быть хуже, ибо никто на свете не растет за «чужой счет». Тут уж она воспитывала старшего брата. И мы опять с ним все понимали. Мама усиленно пыталась сделать двух братьев *братьями*. И, руководствуясь именно этой целью, учредила семейный совет.

Его открытие состоялось у нас дома, на кухне после елочного праздника в детском саду. Мне на том празднике поручили роль «доброго молодца», который должен был не только читать стихи, но и петь, потому что у меня, как назло, еще и «голос» обнаружился. Я сказал, что отказываюсь петь и читать, если в представлении не будет участвовать Владик. Ему доверили бессловесную роль «ежа».

– Он создан для этой роли, – тихо сказала музыкальная руководительница.

Но я услышал и возмутился:

– Откуда вы знаете?!

Мой вопрос до того восхитил музыкальную руководительницу, что она произнесла перед старшей группой детсада речь на тему: «Человек человеку – брат!»

Владик после этого отказался выступать в роли «ежа».

– Заботой, Санечка, можно осчастливить человека, а можно обидеть, – сказала мама, когда мы с ней оказались вдвоем. – Громкое самопожертвование – не добро, а реклама добра!

Она разговаривала с нами как со взрослыми. И мы, стремясь оправдать доверие, должны были понимать.

Мама обожала нас купать. Она намыливала своих близнецов без мочалки, рукой, будто ласкала нас. Заодно она использовала уединение с каждым из сыновей в ванной комнате для индивидуального воспитания. Потом отец бережно, будто в простыню была завернута ценная, легко бьющаяся посуда, относил нас в наши одинаковые кровати.

Родителям очень хотелось, чтобы мы с братом были во всем «абсолютно равны». Борьба за равенство имеет, однако, разные приемы и формы... В канун елочного праздника мой костюм «доброго молодца» был облит фиолетовыми чернилами.

– Зачем ты это сделал? – спросила Владика мама.

– Я не сделал... Это нечаянно получилось.

Все у него было узкое: лицо, губы, металлические ободки очков, которые он носил, чтобы исправить детскую дальнозоркость. Этой болезнью мой брат очень гордился: умный человек и должен быть дальнозорким.

В то время мы с братом учились писать. Освоив пять первых букв, я ждал, пока их освоит Владик. Уже тогда я начал бояться хоть в чем-нибудь обогнать его. Он становился

моим постоянным «ограничителем скорости». Позже, через многие годы, его так назвала Ирина.

– Но зачем тебе понадобилось наполнять чернильницу прямо над стулом, где висел Санин костюм?

– Пусть вешает в шкаф.

Я не знал, да и сейчас не припомню ни единого случая, когда бы Владик признал себя виноватым. Он всегда и во всем был прав. В этом тоже состоял один из *его* приемов битвы за равенство.

Я сыграл «доброго молодца» в обычном костюме.

– Его не надо гримировать, наряжать! – произнесла Своя очередную речь музыкальная руководительница. – он может играть самого себя. Потому что он добрый и потому что он молодец!

Зрители осыпали нас серпантинном и аплодисментами. Не хлопал только мой старший брат. Мама наклонилась к нему и что-то сказала. Но Владик все равно не захлопал: он боролся за равенство.

Вечером наш семейный совет собрался на первое организационное заседание. Мама сообщила, что отныне мы будем все сложные вопросы решать сообща.

– Мы будем добиваться душевного единогласия.

– Необходимо единогласие? – переспросил отец. И с грустной улыбкой добавил: – Почти как в Совете Безопасности.

– Это и будет совет безопасности... нашей семьи, – вменила мама. – Семейный или домашний. Можно и так и так...

Родители ни словом не обмолвились о причине рождения нового органа власти: ничего не сказали о моем костюме, облитом чернилами. Им не хотелось, чтобы совет начинал свою жизнь с конфликта. Деликатность в общении друг с другом и со всеми остальными людьми давно уже стала для них законом, который, как всякий настоящий закон, не был подвластен обстоятельствам.

* * *

Через десятилетие, покидая наш последний домашний совет, я думал о том, что родители мои, по привычке мысленно сговорившись, долго проводили некий эксперимент, хотели доказать, что можно, не напрягаясь, прожить под одной крышей без ссор и скандалов.

Ко всякому дерзкому эксперименту вначале относятся подозрительно. Даже близкие друзья дома настаивали:

– Должны же вы хоть когда-нибудь хлопнуть дверью, обижаться, не разговаривать!

Это было похоже на утверждение, что человек непременно должен болеть. Хоть изредка, но обязан.

– Одноименные нравственные заряды – и ни милейших отталкиваний! – изумился кто-то из наших соседей.

– Зачем делать правила физики правилами семьи? – с грустной улыбкой ответил отец.

– И все равно... это вызывает здоровую зависть!

– Зависть не бывает здоровой, – мягко возразил отец, который редко вступал в дискуссии. – Как жестокость не может быть доброй. Зависть – это как бы «внутреннее сгорание» без двигателя.

– Интересно, – сказала мама.

– Она, зависть, никого не движет вперед, – продолжал отец. – А сгорание внутри души происходит: бессмысленное, бесцельное.

– Внутреннее сгорание может быть и благородным. не согласилась мама, – точнее сказать, горение!

– Да, да... Конечно! Только не в данном случае. Не на этом моральном топливе. Ты абсолютно права. – Отец умолк.

* * *

Мы жили в доме научных работников, на первом этаже.

– Почему мы на первом? – спросил я у отца.

– Потому что другие от него отказались.

– И комнаты смежные...

– Плохо вовсе не все, что принято считать плохим. Мы с мамой будем здесь встречать старость. Спокойней встречать ее на первом этаже: не зависишь от лифта. Смежные комнаты... Но разве мы мешаем друг другу?

Искать и находить в отрицательных явлениях плюсы, положительные оттенки – это было отцовским характером. Он отличался от маминого большим спокойствием и, я бы сказал, смирением. Отец, к примеру, не настаивал так непреклонно, как мама, на ежесекундном выполнении всех законов порядочности и равноправия.

Мы не могли сказать по телефону, что мамы нет дома, даже если она спала, – надо было сообщить, что она дома, но устала и прилегла на диван: это отвечало действительности. Нельзя было осуждать людей, которые приходили к нам в гости: зачем же их тогда приглашать?

Научную лабораторию, в которой работали мама и папа, возглавлял член-корреспондент Савва Георгиевич – ученый с мировым именем.

– У него и характер мировой! – сказал я однажды. – Предложил мне прокатиться на белой «Волге».

– И ты поехал? – ужаснулась мама.

– Нет... Спешил на урок.

– Молодец! – успокоенно похвалила она. У члена-корреспондента было два прозвища: Гигант и Мамонт.

– Наш Мамонт! – называли его почти все сотрудники. А мама с папой говорили:

– Наш Гигант!

По совместительству Савва Георгиевич руководил факультетом, который я видел во сне с тех пор, как мы начали изучать физику. Владик сказал, что эта мечта настигла его значительно раньше.

... Владик был хилым ребенком. А я, к сожалению, никак не мог хоть чем-нибудь заболеть.

В раннем детстве мы то и дело подвергались осмотру врачей.

– Чем ты болел? – спрашивали у Владика. И он долго, с гордостью излагал:

– Корью, коклюшем, краснухой, свинкой, бронхитом, воспалением легких (два раза!) и гриппом (почти каждый год!). И дальновзоркостью!

Казалось, он перечисляет свои награды.

Слово «дальновзоркость» звучало в его устах как «дальновидность».

Покидая последний домашний совет, так странно совпавший с окончанием школы и поступлением в институт, я вспомнил слова Ирины:

– Все, что принадлежит твоему родственнику, – это, по его мнению, самое лучшее: рубашка, портфель. Даже очки! Хотя они своей тонкой металлической оправой придают лицу иезуитское выражение. Или не будем в этом винить очки?

Зная, что я вступаюсь за Владика, она прищурила свои зеленые глаза, будто угрожая закрыть для меня какую-то дорогу. «Ты согласен?» – часто спрашивала она у тех, чье согласие было ей обеспечено. Она вообще предпочитала общаться с представителями мужского пола, которые в ее присутствии замирали. С девчонками ей было так же трудно, как нелегко полководцу, привыкшему повелевать и командовать, переходить на общение со штатскими, не подчиненными ему людьми.

– Недавно у твоего родственника лопнул шнурок, – продолжала Ирина. – Он присел, склонился над своим любимым ботинком и в такой позе начал мне растолковывать: «Крепкий, новый шнурок! И порвался... С кем не случается?!» Восхитительное свойство. Ты согласен? – Зеленый свет в глазах начал исчезать. – И болезни его, ты заметил, носят изысканные имена; ал-лерги-я, хо-ле-цистит. Хочется заболеть!

– Зачем уж ты... так? – осмелился возразить я. – Раньше у него и свинка была. А сейчас... у моей болезни тоже царственное звучание.

– Какое?

– Нефрит.

* * *

На самом деле нефрит я приобрел более десяти лет назад, распрощавшись с беспечным детсадовским возрастом и готовясь вступить на пожизненный путь забот и ответственности.

Перед первым учебным годом нас обследовали, и тут опять выяснилось, что все болезни мой брат героически взял на себя.

– Хотя бы ты когда-нибудь простудился! – сказал он по пути домой.

Я решил выполнить эту просьбу. Тем более что накануне я слышал, как он угрюмо жаловался маме:

– Зачем Саньке ходить на школьную медкомиссию?

– Сане... – поправила она.

– Здоровый... балбес!

После елочного представления в детском саду многие стали называть меня «добрым молодцом», а Владик стал называть «балбесом».

Позже я понял, что он, к сожалению, не обладал ни добротой, ни какими-либо способностями. Но ему очень хотелось хоть чем-то существенным обладать – и он выбрал ум, поскольку размеры его с точностью определить сложно. А рядом с мудрецом, оттеняя его достоинства, обязан находиться «балбес».

– Почему ты столь груб? – ужаснулась мама, услышав от Владика мое прозвище.

– Он же здоров как бык!

– И чем это плохо?

Она приготовилась защищать меня и воспитывать Владика (черед воспитываться как раз был его!). Но старший брат стал вдруг давиться от плача. Мама затихла.

– Здоро-ов... Он здоров! – истерически повторял Владик.

Я уже привык подстраиваться под него, не делать того, что не умел делать он. Но изменить ради него спою внешность, укоротить рост? Это было не в моих силах.

После медкомиссии, возвращаясь домой, я придумал все-таки, как успокоить брата.

Мы жили в новом, дальнем районе, по соседству с высокомерным зданием научно-исследовательского института. Старожилы, с испугом и растерянностью оторвавшиеся от земли и взлетевшие из своих избушек на десятки и двенадцатые этажи, рассказывали, что когда-то в нашем районе было много грибов и даже водились лоси.

Грибами уже не пахло, но осталось озеро, которое называли «Лесным», хотя наступали на него не березы и сосны, а кирпич и бетонные блоки.

Никто не мог припомнить такого застенчивого, короткого лета: оно началось позже обычного, а угасло раньше. В конце августа уже ходили в пальто. А я решил искупаться. Взрослые люди, глядя на меня, поеживались и надежней погружались в свои одежды. Трое мальчишек из нашего дома, решив, что вода потеплела, разделись и тоже нырнули. Но сразу, вытолкнутые холодом, в прилипших к телу трусах выскочили на берег. Они долго смотрели на меня с восторгом и дрожью.

– Рисуется! – громко, чтобы я услышал, сказал Владик, который не умел плавать и боялся глубины. Я просидел в воде минут двадцать. А вечером меня наконец-то отправили в больницу.

– Это самоубийство! – сильно, в отчаянии прижимая уши ладонями к голове, сказала мама.

– Самоубийство... – прошевелил губами отец, не зная, как оба они были близки к истине.

Мама провела возле меня всю ночь. Я погружался в мокрую, липкую жару, терял сознание, но чувствовал, что она рядом. Плескалось «Лесное озеро», мой брат орал с берега: «Он рисуется!» Но все звуки пересиливал мамин шепот:

– Санечка, Санечка...

Вечером пришли отец с Владиком. У мамы был постоянный пропуск в мою палату, а они заходили по одному. Когда Владик уселся на стул, мама сказала:

– Видишь, Санечка, как он сочувствует тебе? Как он тебя жалеет! Я правду говорю, Владик?

– Правду, – ответил он и нервно подергал носом.

– А зачем ты стал купаться... в такую погоду? – спросила мама.

– Захотел.

– Но ты ведь должен был представить себе, что будет со мной, с отцом, с Владиком!

Она упорно хотела объединить нашу семью и даже в сочувствии ко мне сделать всех равными. «Воспаление легких! – говорили врачи. – Но в общем-то обойдется».

Оказалось, однако, что мои почки вобрали в себя холод «Лесного озера» навсегда. Это и был нефрит.

Я пролежал в больнице три месяца. «Провалился», как говорил об этом периоде моей жизни Владик.

Поступление в школу пришлось отложить на год.

– Это ничего, – утешала меня мама. – Максим Горький и Джек Лондон были вообще с четырехклассным образованием. Книги могут заменить все. Они не сделают тебя специалистом, но сделают человеком!

– Разве я... никогда не пойду учиться?

– Что ты? Я просто объясняю, чтобы ты не отчаивался...

Она читала вслух любимые ею с детства сказки, стихи, возвращаясь к ним, как к живым людям. Улучив момент, когда мы были вдвоем, отец спросил:

– Что тебя потянуло в воду?

– Август был. Я и подумал...

– Ты почему-то решил заболеть? Если я, конечно, не заблуждаюсь.

– Не хотел идти в школу.

Отец потер пальцами лоб. В белом халате он был похож на врача, немного уставшего от чужих болезней.

– Я люблю тебя, Саня.

Мне казалось, он хотел добавить: «Больше, чем Владика». Но он добавил другое:

– Обещай мне не делать никогда... ничего подобного.

– Обещаю.

Мама продолжала бороться за равенство братьев. Поступление в школу Владика было тоже отложено на год. Так решил наш семейный совет, выездное заседание которого состоялось в больничной палате.

– Вы должны начать свой школьный путь в один день и в один час. Сидеть на одной парте! – сказала мама.

Владика раздирали противоречивые чувства: он был не прочь продлить на год беззаботное существование, но, с другой стороны, ему очень хотелось обогнать меня хотя бы на один класс.

Он устроил в палате сцену негодования. Болезнь моя стала привычной, хронической, и он мог уже с ней не считаться.

– Я ждал! Я так ждал! У нас есть закон!.. Мама незнакомым мне, острым взглядом усадила его на стул.

– Законы, по которым живет наша семья, рождаются на семейном совете. И никогда не расходятся со справедливостью.

Владик затих: то ли ему все же не хотелось еще идти в школу, то ли он побоялся потерять своего самого надежного защитника в нашем доме.

На этом совет в больничной палате закончился. Но, какие бы потом между много и братом ни возникали конфликты, последним и главным козырем Владика всегда была фраза: «Я потерял из-за тебя целый год жизни!»

Мы стали сидеть за одной партой, словно в одном автомобиле, водителем которого был Владик. Он был облечен и непререкаемой властью ГАИ, ибо сам определял правила движения и собственной безопасности. На уроке я не смел раньше него поднять руку, даже если был в силах ответить на все учительские вопросы. Я не сдавал уже законченные и проверенные контрольные работы, пока не сдавал он. Если меня выдвигали в совет отряда, я требовал, чтобы Владика выдвинули в совет дружины.

Учителя объясняли это «удивительным братством» братьев Томилкиных. На родительском собрании было сказано, что мама и папа должны поделиться опытом воспитания такой «согласованности поступков и чувств». Но все обстояло гораздо проще: я боялся обогнать его хоть на шаг.

* * *

Покидая наш последний домашний совет, я мысленно цитировал высказывания Ирины. Очень способная к физике и математике, она всякий раз как бы доказывала, что и психология должна называться «точной наукой»: оценки людей звучали как физические и математические правила, не подлежащие обсуждению.

– У одного человека походка естественная, а у другого придуманная, им самим выработанная, – утверждала она. – И если автор такой походки имеет сильную волю, он заставляет окружающих поверить в нее и даже ей подчиниться.

Я подчинился походке Владика.

* * *

Ирина была права, когда говорила, что восторги моего брата распространялись лишь на то, что было его личной собственностью. Так как природа и люди персонально Владика не принадлежали, он имел к окружающему миру массу претензий. Чтобы заслужить его хорошее отношение, надо было поспешно стать двоечником, приобрести отталкивающую внешность и жить в тяжелых домашних условиях. Если же моего брата кто-нибудь раздра-

жал, значит этот человек обладал достоинствами или вещами, которых у Владика не было, но которые он хотел бы заполучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.